

НЕДАВНО Киевским государственным издательством изобразительных искусств и музыкальной литературы выпущена книга, принадлежащая перу великого русского артиста Ф. И. Шаляпина, — «Страницы из моей жизни».

Одна из глав книги рассказывает о пребывании Ф. И. Шаляпина в Туркменистане.

В то время молодой, еще не получивший известности Ф. И. Шаляпин работал хористом в малороссийской оперной труппе, исполняя небольшие роли. Труппу возглавлял антрепренер Деркач. Артисты ездили по городам Урала, Кавказа и Средней Азии, посетили Кизыл-Арват, Ашхабад, Чарджоу...

Человек простой, сердечный, любящий шутку, Федор Иванович даже о самых тяжелых минутах своей жизни рассказывает в веселом юмористическом тоне, приводит в книге массу интересных деталей и эпизодов. Но когда речь заходит о простых, маленьких людях, тон его повествования резко меняется. Автор находит глубокие, пронзительные слова, полные грусти и больших человеческих чувств.

С одним из таких простых и незаметных людей связаны воспоминания Шаляпина о его пребывании в Ашхабаде. Шаляпин очень ценил и уважал молодого артиста Николая Кузнецова. Свой рассказ о Кузнецове автор начинает такими теплыми словами:

«Хочется поведать о маленьких, хороших людях. Большие-то сами о себе расскажут. А эти вот — мелочь, безвестно живущая, безгласно погибающая, — о них некому вспомнить. А ведь и они умеют любить; им тоже доступно прекрасное; их тоже мучит жажда хорошей жизни».

...Кузнецов был влюблен в артистку своей труппы и, видимо, верил в ее

5

Ф. И. ШАЛЯПИН В ТУРКМЕНИСТАНЕ

взаимность. Но однажды юноша убедился в том, что девушка обманывает его, что ее не устраивает жизнь с неизвестным начинающим артистом. Горе влюбленного Кузнецова было безмерным. Вот как об этом пишет Ф. И. Шаляпин:

«Это было в Ашхабаде. Однажды ко мне зашел взволнованный Николай и потребовал немедленно идти с ним на бал, который устраивался в офицерском собрании. На бал нас не пустили, и мы влезли на забор, чтобы отуда наблюдать за танцующими. Танцевала с офицерами и любимая Николая. Сидя на заборе, как галка, я заметил, как мой приятель что-то тянет из бутылки, а через двести минут свалился с забора.

— Отравился, — подумал я, — прыгая на землю и едва удерживаясь от желания позвать на помощь. К счастью оказалось, что мальчик хотел заглушить свою ревность лошадиным приемом водки. Я отвел его домой и, господи! как он плакал всю ночь до утра. Утешая его, я подумал: «А любовь-то не шутка!» и немножко завидовал человеку, который умеет так горячо и сильно любить...».

Из Ашхабада труппа украинских артистов выехала в Чарджоу. По дороге с Шаляпиным произошел случай, о котором артист говорит, что его «можно назвать и скверным и смешным, смотря по вкусу».

«Когда я, сидя в вагоне третьего класса, ел хлеб и колбасу, — пишет Ф. И. Шаляпин, — к нам зашел Деркач, хозяин труппы, человек чудовищно и уродливо толстый.

— Выбрось в окно чортову колбасу! Она вояет, — приказал он мне.

— Зачем бросать? Я лучше с'ем! Деркач рассвирепел и заорал:
— Как ты смеешь есть при мне эту гадость!

Я ответил хозяину, что ему, человеку первого класса, нет дела до того, чем питаются в третьем. Он одичал еще больше. В это время поезд, как раз, подошел к станции, и Деркач вытолкал меня из вагона»...

Возмущенный таким бесцеремонным поступком антрепренера, Шаляпин на минуту растерялся, а когда пришел в себя, то оказалось, что поезд ушел. Артист остался один на пустынной станции, без копейки денег. Сгоряча он решил идти вслед за поездом. Обливаясь потом, Шаляпин угрюмо шагал по шпалам и поглядывал по сторонам, опасаясь, как он пишет, «тигров и других столь же неприятных букашек».

«Между тем, — рассказывает Ф. И. Шаляпин, — день клонился к закату. Далеко в степи за песчаные барханы опускалось огромное красное солнце. По небу растекался расплавленный чугуи. Я чувствовал себя нехорошо; этаким несчастным Робинзоном, до его встречи с Пятницей»...

Кое-как добравшись до следующей станции, будущий великий артист «зайцем» сел на товарный поезд и доехал до Чарджоу.

После Средней Азии Федор Иванович Шаляпин несколько лет блуждал по матушке России то в качестве певца захудалых провинциальных театров, то в роли крючника на Каспии и даже едва не попал в компанию воров и убийц, голодал по целым дням и в одно

время собирался покончить жизнь самоубийством.

Но исключительная выносливость, огромная жажда к жизни в соединении с талантом и неистребимой любовью к сцене позволили Ф. И. Шаляпину преодолеть все трудности, стоявшие на его жизненном пути. В условиях царского самодержавия, когда простому человеку почти невозможно было пробить дорогу в искусство, он сумел показать себя в полном блеске, добиться всеобщего признания.

«Я был вынослив, как верблюд, — с веселым юмором говорит про себя великий артист, — и мог петь круглые сутки. За эту страсть к пению меня даже с квартир выгоняли»...

За годы своего скитания по театральным подмосткам провинции Шаляпин сыграл десятки ролей. Он пел арию Петра в опере «Наталка-Полтавка», Стольника в опере «Галька», исполнял партии верховного жреца в «Анде», Тонно в «Паяцах», Неизвестного в «Аскольдовой могиле», Валентина в «Фаусте» и многие, многие другие.

Через семь—восемь лет после посещения Туркменистана Ф. И. Шаляпин достиг вершин в своем исполнительском творчестве. Его исполнение в феврале 1898 года роли Ивана Грозного в опере Римского-Корсакова «Псковитянка» было настолько блестящим, что даже выдавший виды гениальный критик и искусствовед В. В. Стасов был поражен. Он написал о нем восторженную статью, которая называлась «Радость безмерная». В этой статье Стасов заявил о Шаляпине, как о великом таланте, новой восходящей звезде.

Слова великого критика оказались пророческими. Вскоре имя Федора Ивановича Шаляпина стало известным не только в России, но и во всем мире.

А. АНТИПОВ.

«Туркменская искра»
Ф. И. Шаляпин
24 ФЕВ 1957